

ПРОБЛЕМЫ ЭТИМОЛОГИИ ГРАММАТИЧЕСКИХ СЛОВ

Почти все славянские первичные союзы, за исключением *бо*, и так называемые усилительные частицы типа русск. *-ко*, *-то* (*-токо/-тко*), прибавляемые к концу местоимений, местоименных наречий и глаголов (*мнека/мнекава*, *поди-ка*, *приезжай-токо* и т. п.), связываются этимологически с прономинальными основами¹.

Но если мы занимаемся историей этих союзов, например *а* или *и*, на базе засвидетельствованных материалов, то мы видим, что первоначально они очень часто стоят в функции эмоциональных частиц; наряду с этим они функционируют, правда, также в роли союзов, но далеко не так специализированных, как теперь, а, наоборот, довольно диффузных, в различном употреблении в зависимости от контекста. В некоторых работах говорится о междоиметном происхождении этих союзов. В первый раз, если считать словари, такое мнение высказывается пожалуй, не во всех отношениях образцовом словаре Голуба и Копечного². К этому решению был очень близок еще Й. Зубатый. Он говорит об *а*, которое содержится в *ано*, как о «частице»³ (т. е. не как о союзе) и склонен отождествлять это *а* с древнеиндийским междоиметием *ā*⁴. Но от этого своего обоснованного мнения — а именно, что не следует отделять междоиметное *а* от союзного, — он не сделал последний шаг: не дошел до правильного заключения о междоиметном происхождении «обоих» *а* и остается («пока что») при традиционной этимологии славянского *а*, связываемого с др.-инд. *āt*.

¹ Исключение составляют: 1) н.-луж. *-r*, например в *hyšcer 'noch', tuder 'dort', teker 'auch'* (ср.: F. Miklosich. Vergleichende Syntax der slavischen Sprachen. Zweiter Abdruck. Wien, 1883, стр. 123), где *-r*, вероятно, не возникло из *-že* (как это часто встречается в южных языках), и 2) *-то*, например в ст.-слав. *kamo, tamo, sěto* или в русск. диал. *ноньмо* (синонимы *нынче, нынче*, н.-луж. *njento* и т. п.). Пизани, правда, говорит об указательном индоевропейском местоимении **me/mo* (V. Pisani. Allgemeine und vergleichende Sprachwissenschaft-Indogermanistik. Bern, 1953, стр. 62), но ничего достоверного об этом местоимении не известно.

² J. Holub, F. Kopečný. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952, стр. 59 (об *а*) и стр. 146 (об *и*).

³ J. Zubatý. Studie a články, II. Praha, 1954, стр. 53—106 (особенно стр. 76).

⁴ Там же, стр. 100.

Замечательно, правда, то, что и др.-инд. *āt* обнаруживает то же полумеждометное употребление в аподозисе (*Nachsatz*), как и слав. *a*⁵. Например, др.-русск.: *аще забываете... а часто прочитайте; аже соколь к гнѣзду лѣтитъ а вѣ сокола опутаевѣ;* или же др.-чеш. *nýnieť li tě lěň slyšěti, a ti budu vyprávěti*, др.-польск. *który człowiek to popełni, a miłość bożą ten odzierzy* — и подобно этому в древнехорватском.

Подробно доказывает междометное происхождение союза *a* Й. Курц⁶, его выводы вполне убедительны. И в самом деле: если произвести проверку материалов с исторической точки зрения — и я должен был сделать ее, независимо от Курца, для целей первого тома нашего этимологического словаря славянских языков, — тогда можно проследить постепенный переход от чисто междометной функции, через ее ослабление, к еще неспециализированному и часто еще полумеждометному союзу, затем в полный союз, в известной степени уже специализированный, хотя еще далеко не так, как в позднейшем развитии. Притом эти две функциональные плоскости обусловлены не только стилистически, но и действительно генетически.

При этом надо обратить внимание на мнение Я. Бауера, по которому и чисто копулятивная функция союза *a* не отклоняется от только что упомянутой линии развития⁷.

Все, что мы сказали об *a*, имеет силу также для союза *i*; даже о союзах *li* и *le* можно говорить как о первичных эмоциональных частицах⁸.

* * *

Но не противоречит ли такое понимание вещей существующему до сих пор и общепринятому мнению об этимологической связи союзов и частиц с местоимениями? Нисколько. Нам только нужно отдавать себе отчет в том, что из дейктических междометий возникают, совершенно естественно, с одной стороны, указательные местоимения, с другой — модальные частицы вроде русск. *да*, ст.-слав. *ѿи*, нем. *ja*, с третьей же — и союзы, которые на первых этапах своего развития бывают всегда многозначны;

⁵ См. также: Н. Birnbaum. — *Scando-Slavica* V, 1959, стр. 79.

⁶ Ср. в «*Slavia*» 24, 1955, стр. 144 и особенно в статье: *Problematika zkoumání syntaxe stsl. jazyka a nástin rozboru významu částic i, a apod. v konstrukcích participiálních vazeb s určitými slovesy*. Сб. «*K historicko-srovnávacímu studiu slovanských jazyků*». Praha, 1958, стр. 89—107.

⁷ J. Bauer. *Vývoj českého souvětí*. Praha, 1960, стр. 126—127. — Невозможно поэтому отделять этимологически копулятивное *a* от прочего *a*, как это делает В. Махек в своем этимологическом словаре (V. Machek. *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*. Praha, 1957, стр. 15; во втором его издании разделение *a* на четыре разных по происхождению слова еще фатальнее и крайне невероятно).

⁸ См.: J. Zubatý. Указ. соч. I, 2. Praha, 1949, стр. 52—54.

очень часто стоят они в качестве десигнаторов наступления действия в главном предложении (как упомянутое уже *a* или же, еще чаще, слав. *to*). И из тех же основ — или же, может быть, лучше сказать, из того же междометно-прономинального «мицелия» — возникают также усилительные частицы.

Эти различные течения в развитии эмоциональных частиц-междометий можно богато документировать данными истории отдельных конкретных языков. Достаточно указать на междометные основы романских указательных местоимений (ит. *questo*, рум. *acest*, франц. *ce* и т. д.) или же на связь чешского народного междометия *to* 'вот' с местоимением *ten*; подобно этому и немецкое синонимическое *da* находится в связи с *der*. В ясной связи с междометиями находятся также модальные, прежде всего утвердительные, наречия, начиная со ст.-слав. *еи*, словц. *hej*, луж. *haj* (в восточной Моравии мы находим также *ái* 'да, конечно' ⁹), нем. *ja*, русск. *да* и переходя к генетически очень молодым примерам восточнославянского народного *aga!* (чешского диалектного *ahà!*), рядом с которым стоят укр. *ege*, русск. *угу* и даже болг. *ъъ* ¹⁰. Старое и новое междометное *a* известно также в этой функции в древнечешском и в польских говорах, и в старославянском, новое *e* в сербохорватском (об этом с.-хорв. *e* ср. еще ниже).

В примитивных, спонтанно, т. е. без контроля и без образца литературного стиля, развивающихся языках, а иногда даже в диалектах литературно разработанных языков мы встречаем это постоянно повторяющееся течение развития междометий в модальные частицы, в союзы, в указательные местоимения, сродный звуковой материал с которыми обнаруживают также усилительные частицы. Это надо постоянно иметь в виду, так как конфронтация с засвидетельствованными современными процессами облегчает нам ориентацию при анализе, при рассмотрении более старых и самых старых отношений и состояний.

Что касается так называемых усилительных частиц, то в народных говорах мы часто можем наблюдать обновление их первоначальной усилительной функции; они удваиваются или же комбинируются, освежая тем самым свою первичную, но ослабевшую усилительную функцию. Из своего родного среднеморавского говора я могу привести следующие примеры: наряду с уже усиленными формами *dneski/dneské* 'сегодня' встречаются более аффективные формы *dneskik/dneskék*; подобно этому, наряду с *toť* 'тут' или также во временном значении 'недавно', суще-

⁹ Хотя то же самое междометие в словацких говорах может иметь также отрицательное значение — подобно с.-хорв. *ája* (*ája*).

¹⁰ Вероятно, здесь перед вами два так называемых гортанных взрывных (*coup de glotte*; *Kehlkopfverschlusslaut*) — следовательно, голосовая формация, которая в разговорном стиле некоторых чешских диалектов значит, наоборот, 'нет'.

ствуют и *toškék / toškik*. Рядом с русскими диалектными формами *тебека*, *мнека* (=с.-хорв. *тебика*, *меника*) существуют еще более усиленные *тебекава*, *мнекава*. Такого рода процессы особенно характерны для лужицких языков, где они все же скоро, кажется, нейтрализуются: относительное *kaž* < *kakž* так же немаркировано, как и более древнее, первоначальное вопросительное *kak*. Я бы хотел здесь обратить внимание на лужицкую частицу *da* (в.-луж.) и н.-луж. *ga*/в.-луж. *ha*. Судя по Эрнсту Муке, обе частицы, *da* и *ga/ha*, одного и того же происхождения, а именно из *gda*¹¹, возникновение которого не так бесспорно. Путем взаимной комбинации возникли формы *dga* (нижнелужицкое; из *da-ga*; спорадическое развитие старого **gda* > *da*, которое происходит как правило в верхнелужицком, надо предполагать также для нижнелужицкого, хотя здесь нормально **gda* > *ga*¹²) и *dha* (верхнелужицкое). Притом обе формы сокращаются сызнова: н.-луж. *dga* > *ga*, в.-луж. *dha* > *da*. В верхнелужицких диалектах представлена также форма *-hada*, которая является, таким образом, в обратном виде, чем предполагаемая исходная форма для *-dha*. Так что мы в этом языке встречаем в итоге в некоторых случаях четыре усиленные формы: *štodal|štoha*, *štodha* и *štohada*. Луицкое удвоенное *dgal-dha* можно, между прочим, сравнить с русск. диал. *-тко* < *-токо* (обе формы засвидетельствованы: *пойдитко ты*; *поезжай-то-ко*¹³). Учитывая целый контекст, вряд ли можно верить дальше соблазнительной параллели верхнелужицкого *štōda* и греч. *τίς δὴ* 'wer denn', как бы следовало из толкования в словарях Бернекера и вслед за ним Фасмера.

Из этого состояния вещей вытекает, по моему мнению, ясно, что если мы и в дальнейшем будем говорить о связи так называемых первичных союзов и частиц с индоевропейскими местоименными основами, то не будем видеть в ней прямолинейную генетическую связь. Нельзя будет упускать из виду и игнорировать общий источник всех упомянутых категорий, которым являются дейктические междометия. Эти междометия образуют в течении развития языков *п о с т о я н н у ю п и т а т е л ь н у ю с р е д у*, из которой возникают в одном направлении модальные частицы, во втором — позднейшие союзы, в третьем — указательные местоимения, и из того же самого звукового материала

¹¹ Это, конечно, не исключает факта, что *da* в значении 'тоже', приводимое Э. Мукой из словаря J. G. Zwañr'a (Э. М у к а. Словарь нижнелужицкого языка I. Пг., 1921, стр. 237), этимологически первично.

¹² Оба пути развития, *gd* > *g* и *gd* > *d*, достаточно засвидетельствованы в славянских языках. Ср. в нашем пробном выпуске «Etymologický slovník slovanských jazyků» (Врно, 1966, стр. 37); можно дополнить словен. диал. *nigi* или, наоборот, *nide*, литературное *nikdar* (*nigdar*). В самом нижнелужицком языке мы имеем, наряду с *niga* (литературное *nigda/nigdy*), также *nidy* (это в мужаковском говоре, где в соответствии с в.-луж. *štoda* 'was denn' встречаем, наоборот, *coga* > *ca*).

¹³ Ср.: Nina B r o d o w s k a. — LP 3, 1951, стр. 273.

образуются также и так называемые усилительные частицы. Потому хотя мы и знаем случаи возникновения союзов из настоящих местоимений, — равно как из прямых падежей (как русск. *что* и, может быть, также чеш. *že*¹⁴), так и из косвенных (русск. *чем*, польск. *im*, словц. *kým*), — но нельзя все-таки искать или видеть такие местоименные «падежи» в исконных союзах типа *a*, *i*, *li* и под.¹⁵ Насколько шаткими являются теории, которые видят в союзе *a* аблатив (Бернекер), в союзе *i* — местный падеж (Бернекер, Фасмер, допускает Славский), наглядно показывает параллелизм развития у более нового союза, сербохорватского *e*, которое сохраняет в говорах ту семантическую диффузию, которую мы находим также у *a* и *i* в древних фазах их развития: оно выступает в роли междометия, в роли русского союзного *и* (идите и ви у мој виноград е што право буде даћу вама), в функции изъяснительного союза 'что' (видели е их погрдише), в роли причинного союза (хоћаше изгубити љубу, е му љуба много закривила), волюнтаривного (побудительного) союза (замоли га, е би му их свезали) и употребляется также в роли утвердительной частицы (е, госпо 'да, сударыня'¹⁶). Все эти функции можно привести и для общеславянских союзов древнего происхождения *a* и *i*. Но нам никоим образом не удастся возвести эту совсем новую «формацію» к какому-либо падежу индоевропейской прономинальной основы, скажем **e*, и мы видим, что этого и не нужно. И, по-моему, вряд ли это нужно — и надежно — и для старинных союзов *a* или *i*.

Есть и другие проблемы. Имеется чередование по звонкости/глухости в союзах типа *da||ta* (объясняемых, как и параллельное *ka*, в качестве творительного падежа¹⁷ от двух самостоятельных местоименных корней — *t*- и *d*-). Признаюсь, мне кажется более естественным простое понимание вещей у Гринченко, считающего формы *ta/da* вариантами в отношении звонкости. Отремб-

¹⁴ Чеш. *že* возникло из *ježe*; в древнечешском засвидетельствован также вариант *ež*; в церковнославянских текстах чешского происхождения, особенно в Беседах Григория Великого, «же» 'что' обиходно (ср. также: F. M a g e š. «Slavia» 32, 1963, стр. 433 и 448—449). Но из этого еще не следует, что здесь можно говорить в точном смысле о винительном или же именительном падеже, — в виду того, что в той же самой изъяснительной функции мы встречаем также варианты *iže* (ст.-слав., др.-русск., др.-польск.) и *aže* (в древнерусском, древнепольском, спорадически даже в древнечешском; в настоящее время обиходно в нижнелужицком); др.-русск. *оже* представляет вариант *еже/юже*.

¹⁵ И. Зубатый (J. Z u b a t ý. Указ. соч. II. Praha, 1954, стр. 105—106) говорит, что раньше, чем у старых союзов (*a*, *i* . . .) развилась до известной степени союзная значимость, указательные местоимения появились, наверное, в иных формах, чем мы теперь их знаем, — в формах, которые в конце концов происходили, вероятно, от подлинных междометий.

¹⁶ Это последнее можно, однако, по мнению В. Михайловича, считать итальянизмом.

¹⁷ Ср.: S ł a w s k i I, стр. 135; II, стр. 8.

ский¹⁸, правда, указал на некоторые уже весьма древние дублеты этого рода, но их сосуществование в одном и том же языке, пусть старинном (как в хеттском) или же новом (как в украинском), показывает скорее постоянно повторяющийся процесс, или, лучше сказать, постоянную возможность повторения процессов соноризации или десоноризации. Живым мне кажется сосуществование форм *дык* и *тык*; последней пользуется, например, Зоценко, первая напоминает случайно похожее чеш. народное *dyk < vždyť*. Есть, между прочим, у тех же союзов — наперекор ученым теориям об их происхождении из творительного — также чередование гласных *ta/te/ti*... (напоминающее ряд союзов: *a/e/i*) и несколько другого объема и характера южнославянский ряд *da/de/di*, есть и белорусское *ды* — против русского и украинского *да*. Восточноморавское (валашское) *ta, tanu* (эмоциональная частица) не имеет, напротив, ничего общего с чередованием *ta/da*. Возникла она в результате более энергичной артикуляции *j* из общеморавского *ja, janu*.

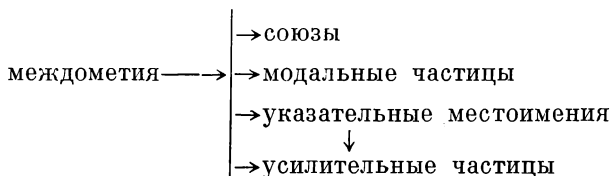
Такие факты предостерегают нас от необоснованного и поспешного проецирования этих форм просто в индоевропейский праязык. Удачно схватывает положение вещей Й. Зубатый, говоря о славянском междометии *na* в значении побудительной частицы: «*На* вполне может принадлежать к числу тех междометных образований, которые еще не представляют слова в полном смысле... , которые возникают без всякой этимологической связи... Даже глухонемой может издавать звуковые комплексы, похожие на наше *na*, причем никому не придет в голову считаться с возможностью какой-нибудь их „этимологии“... Междометия чисто спонтанного происхождения... становятся иногда равноправными членами словарного состава. Еще отважнее, мне кажется, в словах подобного характера и в „частицах“ вообще искать не только определенные „корни“ и „основы“, но даже их формы, напр. „падежи“. Я не вижу никакой пользы для науки в том, если кто-нибудь соберет все возможные частицы, заключающие в себе *-n-*, и отнесет их к тому же местоименному корню или же местоименной основе **-ne* и если скажет, которая из них первичный творительный, которая местный и т. п. ... Потому только полноты ради я добавляю, что *na* также толковалось и толкуется этимологически»¹⁹.

Вместо *-n-* мы, наверное, можем подставить в этот контекст любой другой «местоименный» материал. Но, с другой стороны, этимолог все-таки не может целиком игнорировать такие слова, так как материальное тождество усилительных частиц и указательных местоимений явно не может быть простой случайностью! Конечно, нам придется иначе понимать характер их связи.

¹⁸ «Die Sprache» 6, 1960, стр. 164 сл.

¹⁹ J. Z u b a t ý. Указ. соч. I, 2, стр. 55.

Мы должны отдавать себе отчет в первоначально «элементарном» характере подлинных источников — междометий, которые представляют собой нечто в роде так называемых «Lallwörter». И, наконец, нам нельзя забывать, что предполагаемые нами направления развития, а именно

можно проверить на повторяющихся иногда процессах этого рода, засвидетельствованных (кроме, может быть, последнего этапа) в истории до сих пор живых языков.

Материальное, т. е. звуковое, сходство между упомянутыми категориями, в особенности между усилительными частицами и дейктическими местоимениями, — не простой случай. Но мы должны учитывать также проявляющуюся в определенных рамках переменчивость этих формаций, их звуковой оболочки, что, наконец, совпадает с их семантической диффузностью, обуславливая ее частично, с определенной произвольностью «выбора» соответствующей усилительной частицы. Я здесь имею в виду не такие банальные синонимичные вариации, как *inako/inace*, *ako/ace*, *nego/neže* и под., а более существенные случаи: почти общеславянскому *kъdy/-da* или же *kъ-g(ъ)da* противостоит блр. *kali*, укр. *коли* (русск. союз *коли*) с совсем иной конечной частицей (тип, когда-то, судя по *nikoli*, более распространенный) — частицей, которая в почти той же самой формации, обычно только далее расширенной, в виде *koliko*²⁰, значит 'сколько'. Болгарское *тука/тува* конкурирует таким же образом с синонимическим с.-хорв. *туне/туна* (ср. слов. *tiná*) и *тут(е)*, усиленно *тутена* (ср. русск. *тут*, укр. диал. *тутки*, *туткива*, чеш. диал. *toťki*); есть даже еще в том же сербохорватском языке синонимичное *туј* (усиленно *тујко*), которое, подобно укр. диал. *туј*, значит 'тут' — в отличие от болг. *туј*; указательного местоимения 'вот это'. Украинское *ходи-но*, *куплю-но* я цю книгу = русск. *поди-ка*, *куплю-ка* я эту книгу. Имеет ли смысл смелое проецирование этой изменчивости, проявляющейся даже в одном и том же языке, прямолинейно в индоевропейский праязык или же поиски «родственных» форм (слов) в отдельных индоевропейских языках, далеко отстоящих друг от друга пространственно или

²⁰ Впрочем, эта форма может быть, кажется, только случайно сходной — ср. о ней: O. Szemerényi. — *Annali d'Istituto orientale di Napoli*, II, 1960, стр. 1—30; мне эта работа известна только из аннотации в RES 39, 1961, стр. 144.

хронологически, зачастую даже без проверки самого близкого контекста в обоих языках? Эта изменчивость иллюстрирует скорее постоянное движение (в рамках определенной области) звукового материала (лишь этот материал является общим в родственных языках) и доказывает параллельность развития в близкородственных языках.

Только в виде исключения усилительные частицы могут приобретать также и грамматическую функцию. Такого рода частицы мы видим в окончаниях *-go/-ga* и *-vo/-va* в родительном падеже местоимений и прилагательных.

Родительный падеж первоначально отличался от именительного только положением и главным образом тем, что он нес ударение целого выражения, целого сочетания «именительный+родительный» как такового. Именно поэтому он выступает в полной звуковой форме как *casus absolutus* в еврейском языке (в сравнении с редуцированным «именительным» = *casus constructus*) и в полной аблаутовой степени в суффиксе у индоевропейских основ на *-i* и *-u*: ср. генитивы *sunaus* в литовском и готском, *sunoh* в древнеиндийском (в именительном здесь окончание *-us*, с соответствующими изменениями в древнеиндийском). Подобно этому родительный *anstais* в готском, *agneh* в древнеиндийском, в сравнении с именительным *anstis* или *agnih* — вопреки мнению Фр. Шпехта, что здесь обе формы первоначально были одинаковы²¹. Окончание генитива можно считать, согласно Шпехту, той же самой усилительной частицей прономинального происхождения, которая выступает и в именительном, но в ослабленном виде. Шпехт правильно объясняет, таким образом, обе формы индоевропейского родительного — **to-so* и **to-sio* (ср. соответствующие местоимения в др.-инд.: *sah* и *syah*). Но могут быть также иные усилительные частицы: Шпехт считает (по-моему, удачно) такой частицей слав. *-go* в *to-go* (с вариантом *-ga* в сербохорватском и словенском *toga/tega*), связывая ее с прономинальной базой *k/g*²². При этом надо отметить, что это удачное объяснение, к нашему удивлению, не ново. Еще за 60 лет до Шпехта Миклошич писал в своем словаре, что его мнение, согласно которому *-go/-ga* в *ego* не является окончанием, а есть та же усилительная частица, которая содержится в *nego* (*||nežé*), и что *jego* представляет усмеленное (*hervorgehobenes*) *je*, не нашло отклика²³. Хорошим идеям приходится иногда ждать своего времени.

Что касается якобы загадочного русск.²⁴ *-vo/-va*, то верно ли утверждение Ильинского, будто *-va* существует также в некаяких севернорусских говорах? Не подсказывает ли это самое естественное объяснение русских окончаний *-vo/-va* как точно таких же частиц, как и *-go/-ga*?²⁵ Но это только предположение, вероятность которого надо еще проверить.

²¹ См.: F. S p e c h t. Der Ursprung der indogermanischen Deklination. Göttingen, 1944, стр. 362.

²² Ср. лат. *hi-ce*, греч. ἐμίγε и т. п. (опять мы видим сонорные дублеты).

²³ Miklosich, стр. 68 (в статье *go*).

²⁴ Есть также кашуб. *-wæ*, наряду с *-gæ*; это *-wæ*, по-моему, можно было бы вывести из *-g^he* (вариант упомянутого *-gæ*): *g^he* > *w*e × *gæ* → *wæ*.

²⁵ Сам Г. А. Ильинский выводит из своего утверждения очень неправдоподобное объяснение родительного на *-va/-vo* (IF 5, 1925—1926, стр. 53—68).

В заключение я бы хотел привести слова А. Брюкнера, которые сообщил мне в своем письме коллега Кноблех: «Fürs Slavische muß zunächst die isolierte, einzelsprachliche, d. h. slavische Forschung einsetzen, soll ein Fortschritt ermöglicht werden»,²⁶ т. е. «для славянских языков нужно начать изолированное исследование в рамках одного, т. е. славянского, языка, если мы хотим достигнуть здесь научного успеха (прогресса в науке)». Кноблех тем самым одобрительно намекает на мою статью о слове *po* в пробном выпуске нашего брненского словаря²⁷. Методически неправильно связывать без проверки ближайшего в географическом и хронологическом отношении контекста такие явления, которые отдалены тысячелетиями времени (например, чешские диалектные с хеттскими), без специального доказательства непрерывности развития в обоих языках. Конечно, и при предлогах достаточно было бы указать на сходный родственный им фонетический материал. В кратком этимологическом словаре было бы, например, возможно перечислить для *po* все предлоги из главных индоевропейских языков, содержащие в себе *-p-* (например, из греческого не только *ἀπό* и *ὀπό*, но и *ἐπί*). Но невозможно считать первым критерием так называемое «сходство в значении». Не только потому, что как индоевропейский архетип **pos*, так и соответствующее ему лит. *pas*, аркадо-кипр. *pos*, между прочим, также и цыг. *paš* и т. п. до такой степени полисемичны, что они кажутся даже внутренне антонимными (со значением 'к' наряду с 'при, у'), но особенно по той простой причине, что и здесь мы наблюдаем постоянное движение по разным направлениям. И если мы сумеем объяснить различные изменения в значении славянского *po* внутренней мотивацией, то какой смысл разрывать единство этого слова и связывать аблативное *po* с греч. *ἀπό*, а префикс *po-* в чеш. *ročerný* — с греч. *ὀπό* в синонимном *ὀπόμελας*, прерывисто-дистрибутивное *po* в чеш. *chodit po lesích*, русск. *гулять по улицам* — с лит. *par* и т. п.? Из анализа (кстати, вследствие своего объема недостаточно наглядно расчлененного и потому плохо обозримого) заглавного слова *po* видно, что развитие значений и связанная с этим изменчивость значения в некоторых отрезках так сильна, что некоторые обороты становятся непонятными уже спустя одно столетие. Юнгманн, например, приводит из обиходной речи выражение *po dnešní den* в значении 'до dnešního dne', что для нас совершенно невозможно. Но, с другой стороны, какой смысл имело бы искать какой-то подходящий индоевропейский «етушон»

²⁶ Кноблех приводит эти слова из «Die Erforschung der indogermanischen Sprachen» III. Straßburg, 1917, стр. 72; мне эта публикация недоступна.

²⁷ Здесь я бы хотел поблагодарить проф. О. Семереньи за ценные замечания к этой статье.

для этого теперь единственного значения границы, предела '(вплоть) до' (ср. русск. *по пояс* = до пояса; чеш. *do dnes* = русск. *по сегодня*), если проверка материала показывает, что тип (až) *po ten les* = 'до (самого) леса', вероятно, вообще не древнеславянский?

Итак, в самом деле, надо начать с основательного исследования сперва и прежде всего на славянской почве, причем здесь нужно производить тщательную проверку материала, чтобы не давать этимологических толкований, которые построены на основе случайных сходств, т. е. сходств, не связанных в строгом смысле генетически, но представляющих продукты параллельного развития, обусловленного в каждом языке своими причинами.